

Заявленный в монографии антропологический подход, безусловно, востребован в сегодняшних научных условиях. Но надо признать, что его применение к шести, довольно разнотипным, городам — задача довольно сложная.

Автор оперирует богатой фактологической базой, извлеченной, главным образом, из журналов городских дум. Фронтальный анализ данных журналов мог бы дополнить историческую картину городской жизни второй половины XIX — начала XX в.

В работе должно внимание уделяется жизни городских мусульман, которые в городах Уфимской губернии были

представлены в основном татарами. Так, мы узнаем, что в указанный период большие татарские общины имелись в Уфе и Sterлитамаке. Деревянная мечеть в конце XIX в. имела в Белебее, в остальных уездных центрах мусульманские храмы были построены в начале следующего столетия. Очевидно, что книга Л. Р. Габдрафиковой станет вкладом в историографию городов Российской империи. Очевидно и то, что изучение истории повседневности ее городских жителей должно быть продолжено.

Бахтияр Измайлов,
кандидат исторических наук

Новая книга по истории университетской повседневности Казани

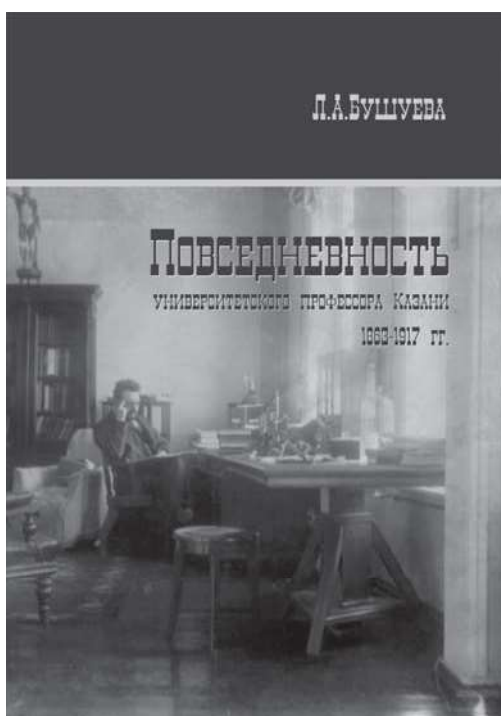
История повседневности превратилась за последние десятилетия в одно из самых актуальных направлений современной исторической науки, аккумулирующих значительные интеллектуальные силы. Это научное направление не просто позволяет реконструировать картины жизни людей прошлого в максимально возможной полноте конкретных и выразительных деталей; оно фокусирует свое внимание на «темпорально» иных способах организации человеческого бытия и его ценностного наполнения, и тем самым позволяет затрагивать глубинные проблемы исторической антропологии.

В 2012 г. вниманию научной общественности была представлена новая книга по истории университетской повседневности Казани — исследование Л. А. Бушуевой «Повседневность университетского профессора Казани. 1863-1917 гг.». Монография посвящена истории повседневности малой социальной группы, чьи границы четко очерчены в статусном и хронологическом плане —

профессорской корпорации Казанского университета в период 1863-1917 гг. Таким образом, представленное исследование носит просопографический характер. В то же время выбранная тема и поставленная цель исследования — реконструкция «жизненных миров» профессуры Казанского университета через анализ ее состава и статусного поведения — выводят исследователя на целый ряд крупных проблем, каждую из которых можно считать ключевой для отечественной историографии: историю высшего образования, историю интеллигенции как социальной группы, историю провинциального города.

Выбор хронологических рамок представляется вполне оправданным и соответствующим целям исследования: они охватывают период от принятия университетского устава 1863 г., создавшего в России независимую университетскую корпорацию, до революции 1917 г., полностью изменившей условия существования интеллектуального сообщества. Внутри этого периода автор вы-

Бушуева Л. А. Повседневность университетского профессора Казани, 1863-1917 гг. — Казань: Центр инновационных технологий, 2012. — 287 с.

деляет дополнительные хронологические рубежи: принятие университетского устава 1884 г. и Первую российскую революцию, которая привела к размышлению привычных поведенческих практик. Это позволяет автору широко применять сравнительный метод, обращаясь к сопоставлениям университетской повседневности в период действия уставов 1863 и 1884 гг.

Безусловно, самого положительного отзыва заслуживает репрезентативность источниковой базы исследования. В книге используются материалы фондов Национального архива Республики Татарстан, Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета, Национального музея Республики Татарстан, а также опубликованные источники — мемуары, справочные и биографические издания, материалы периодической печати. Изучение широкого комплекса законодательной и делопроизводственной документации позволило автору реконструировать нормы и

практики повседневной жизни университетской профессуры; исследование документов личного происхождения — мемуаров, дневников, частной переписки — дало возможность восстановить мир субъективной реальности, ценностей и стереотипов провинциальной интеллигенции.

Избранный автором книги концептуальный подход потребовал соответствующего методологического инструментария и опоры на историографическую традицию. В частности, при выборе инструментария своего исследования Л. А. Бушуева выделяет и сопоставляет несколько различных подходов к изучению истории повседневности: подход школы «Анналов», немецкой историографии (А. Людке), московско-тартусской школы (Ю. М. Лотман), определяя степень их влияния на современную российскую науку. Диапазон методов, примененных в исследовании, широк и разнообразен: от статистических методов, с помощью которых обрабатываются количественные данные, до метода типизации, примененного для реконструкции нормативов человеческого поведения; от семиотического анализа при исследовании текстов повседневного поведения профессорского сообщества до анализа речевых практик — метафор, «зон умолчания», — воплощенных в эго-документах.

Основополагающую роль в работе играет реконструированный Л. А. Бушуевой социально-исторический портрет казанской профессуры второй половины XIX — начала XX в. Подвергнув статистическому анализу персональные данные 220 профессоров, служивших в Казанском университете в изучаемый период, автор выявляет социальный — сословный, этноконфессиональный и возрастной — состав профессорского сообщества; реконструирует типичную траекторию карьеры университетского профессора. Выводы о взаимосвязи процессов демократизации и постепенного старения состава профессорской корпорации, о нарастании тенденции к корпоративной замкнутости представляются обоснованными и подкрепленными материалом источников.

Для изучения повседневности Л. А. Бушуева обращается к реконструкции того, как было организовано социальное время представителей профессорского сообщества. Автор разграничивает «профессиональную повседневность» и «внеучебную повседневность» университетской профессуры. Каждой из этих сфер посвящена отдельная глава книги, где они подвергнуты изучению по ряду параметров. Так, в профессиональной деятельности профессор исследователю обоснованно выделяет три сферы — учебную, научную и административную работу. Необходимость для университетского профессора сочетать деятельность в каждой из этих сфер порождала, как доказывает автор рецензируемого исследования, феномен «тройственного социального времени», генерировала стрессовые ситуации и тем самым ставила профессоров перед необходимостью выстраивать иерархию ценностей, проводить личностные границы между приоритетным и второстепенным. Исследователь убедительно показывает, что, если в середине XIX в. профессор оказывали ценностное предпочтение научной деятельности (что приводило к доминированию в общественном сознании образа «кабинетного ученого»), то в течение пореформенной эпохи все большее значение в жизни профессоров приобретала общественная работа, преимущественно в сфере народного просвещения. Это, разумеется, требовало дополнительных затрат сил и времени и наглядно свидетельствовало о нормативно-этической переориентации профессионального сообщества, о выдвижении гражданской активности в ранг приоритетных ценностей.

Исследование университетской профессуры как малой социальной группы логично включает в себя реконструкцию сети взаимоотношений как внутри данной группы, так и в плане ее контактов с окружающим миром, а также с контрагентами в университетской среде. Освещая церемониально-организационную и этическую стороны корпоративных взаимоотношений профессуры, наиболее типичные причины внутрикорпоративных конфликтов и конфликтов препода-

вательского коллектива с администрацией, структуру взаимоотношений профессоров и студентов в учебных аудиториях и в ситуациях студенческих выступлений, Л. А. Бушуева тем самым восстанавливает нормативы профессиональной этики, выполнявшие регулятивную функцию в повседневных взаимоотношениях. Предлагая реконструкцию этих норм, автор широко применяет метод типизации, а также выявляет нормативы поведения через анализ тех случаев, которые воспринимались общественным мнением как отклонение от нормы. В силу сочетания данных методов предложенную реконструкцию можно считать достаточно убедительной.

Обращаясь к изучению «внеучебной повседневности» университетских профессоров, исследователь выбирает для анализа такие параметры, как частная (семейная) жизнь, «качество жизни», а также организацию досуга. В книге продуктивно используется прием сочетания разноплановых методов научного исследования. Так, для реконструкции особенностей семейного уклада казанской профессуры применяются как методы статистического анализа, так и богатые данные источников личного происхождения, позволившие воссоздать определяющие социокультурные черты профессорской семьи (роль жены как «разумной помощницы» мужа, высокая требовательность к успехам детей, тяготение к наследственности интеллектуальных профессий).

Для определения качества жизни университетской профессуры Л. А. Бушуева предпринимает статистическое микроисследование: ретроспективно восстанавливает недостающие в источниках данные о ценах на основные товары потребительской корзины, рассчитывает стоимость продуктового набора, определяет динамику покупательной способности доходов профессоров Казанского университета с 1863 по 1911 г. Обращаясь к изучению структуры расходов профессорской семьи, автор особо выделяет траты, продиктованные социальными потребностями и направленные на поддержание «статусного» образа жизни. Наконец, выявив и

систематизировав формы организации досуга профессорских семей, как типичные для зажиточной городской среды рубежа XIX–XX вв., так и характерные исключительно для университетского круга общения, исследователь показывает, что в университетской среде было типичным восприятие свободного времени как продолжения научной и общественной деятельности, частной жизни — как второстепенной по отношению к публичной.

Таким образом, монографическое исследование Л. А. Бушуевой содержит взвешенный, глубокий анализ повседневности профессионального сооб-

щества казанских профессоров второй половины XIX — начала XX в. Выводы, сформулированные в исследовании, строго аргументированы, подкреплены богатым материалом источников и слагаются в целостную авторскую концепцию. Учитывая все это, можно с уверенностью заключить, что новая книга по истории университетской повседневности Казани вполне удалась и будет интересна даже требовательному читателю. Она, безусловно, вносит заметный вклад в развитие этой области современных исторических исследований.

Ольга Леонтьева,
доктор исторических наук

О монографии С. В. Щербакова и не только о ней

Монография С. В. Щербакова «Национальное самоопределение чувашского народа в начале XX века: идеологический аспект» включает в себе значительную новизну в изучении национального движения чувашского народа. Автор во многом отходит от своих предшественников, представляющих это движение как копирование многих элементов национального движения других, в том числе и соседних народов.

Разумеется, трудно представить национальную историю без взаимовлияния и взаимозависимости с историей других народов, тем более тех из них, кто имел определенные общие корни. С. В. Щербаков, можно сказать, в полной мере учел и это обстоятельство. Однако в его задачу входило выявление и изучение того национально-особенного, которое характеризовало историю чувашского народа. И, прежде всего, это касается устройства внутренней жизни чувашей. Причем исследователь не ограничился лишь территорией современной Чувашии и Волго-Уральского региона, а охватил территорию расселе-

ния народа от Финляндии до Северного Кавказа. Это позволило С. В. Щербакову установить общее и территориально особенное в жизни чуваш, особенно в годы российских революций.

Хотя автор обозначил хронологические рамки исследования началом XX в., он фактически охватил весь период национальной жизни чувашей с древнейших времен. Такой работы до сих пор не было. Сквозное изучение проблемы позволило автору не только проследить изменения в устройстве национальной жизни в разные периоды истории, но и показать становление таких черт чувашского национального характера, как целеустремленность, верность традициям, сплоченность, которые в наиболее яркой форме проявлялись в трудные для народа времена.

В центре исследования — история чувашской общины, как основы физического выживания и сохранения национальной идентичности, дошедшей до 20-х гг. XX столетия.

Общинное устройство сельского населения было характерно не только для чувашей, но и для других народов. Одна-

